

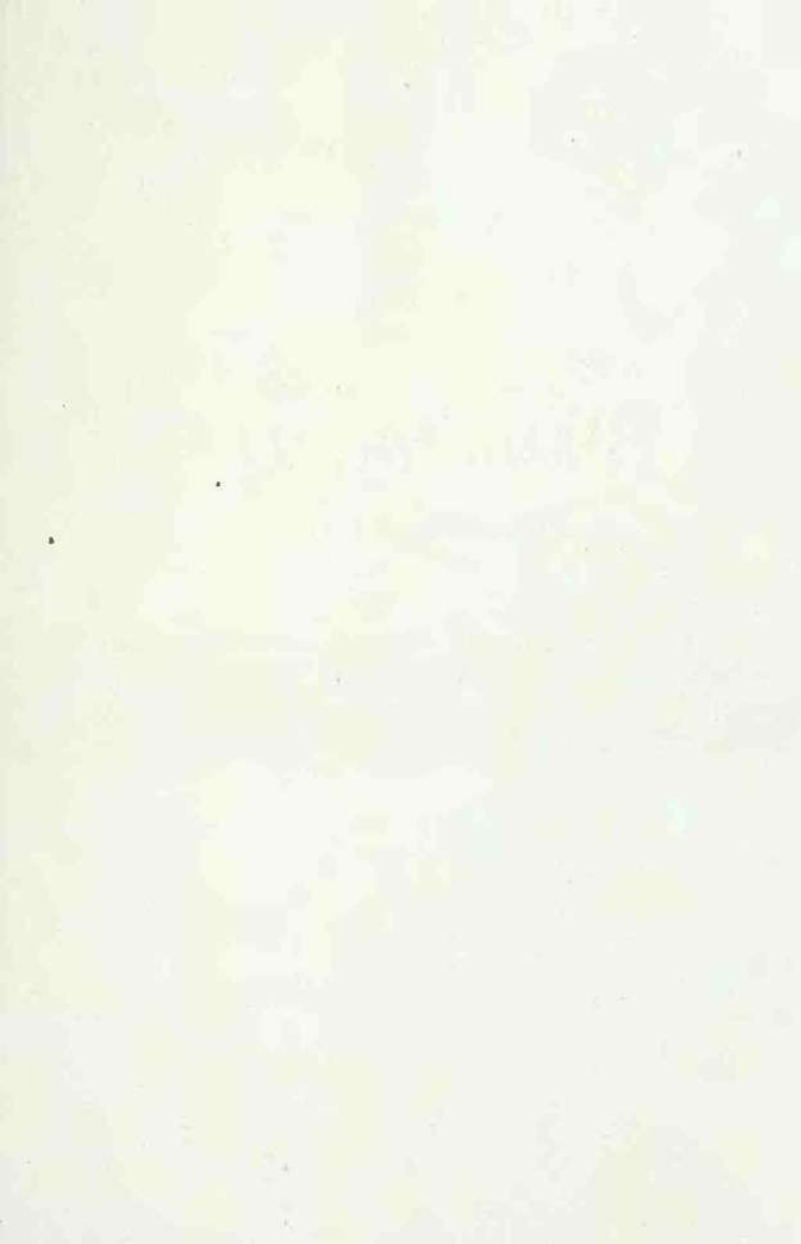
Злыя Чары

КНИГА ЗАКЛЯТІЙ

Долго ночь меркнетъ; зоря свѣтъ
запала; мгла поля покрыла.

Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
черныя тучи съ моря идуть; хотять
прикрыти четыре солнца; а въ нихъ
трепещуть синія молніи.

Слово о полку Игоревѣ

ОТСВѢТЫ РАКОВИНЪ

О, жемчугъ словъ, отысканный въ
морскихъ глубинахъ сердца, твои узо-
ры красивы, но смыслъ твой горекъ,
какъ морская вода.

Космогронъ Майевъ

ЗОВЪ.

Я овѣянь дыханьями многихъ морей,
Я склонялся надъ срывама горъ,
Я молился вѣтрамъ: „О, скорѣе, скорѣй!“,
Я во всемъ уходилъ на просторъ.

Я не знаю цѣпей, я не вѣдаю словъ
Возбранить чьи бъ то ни было сны,
Я для злѣйшихъ враговъ не хотѣлъ бы оковъ,
А желалъ бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнѣе скорбей
На разгульномъ пиру бытія,
Я овѣянь дыханьями вольныхъ морей,
Будьте вольными, братья, какъ я!

НО ЕСЛИ.

Но если ты спѣжный
И если морозный,—
Хотя я и лѣжный,
Все жъ буду я грозный.

Рожденный отъ свѣта
Не знаетъ врага,
Но силой привѣта
Ростопитъ свѣга.

Я вѣчная сила
 Души полновольной,
 Не помнить, что было,
 Восторгъ мой безболѣнный.

Но если ты вдвое,
 Да мучить другихъ,—
 Иное, другое
 Расскажетъ мой стихъ.

ОРГІЯ ЖИЗНИ.

Орелъ точитъ когти. Крадется волкъ прерій.
 Сова направляетъ окольный полетъ.
 Безжалостны птицы. Безъ жалости звѣри.
 Безжалостность—свойство всѣхъ тѣхъ, кто живетъ.

Верховные гениі этого міра,
 Зарѣзаннымъ горломъ мы кормимъ свой день.
 Намъ трупы животныхъ—улада для пира,
 Тутъ пѣжная дѣва—безчувственный пень.

Нерѣдко мы думаемъ, будто растенья
 Суть алость улыбки и пѣжный цвѣтокъ.
 Нѣтъ, въ мірѣ растеній—борьба, убіенье,
 И петли ихъ усиковъ—страшный намекъ.

Ухватять, удушать, ихъ корни лукавы,
 И цвѣтъ орхидеи есть ликъ палача.
 Люблю я растенья, по травы—удавы
 И тонкость осоки есть тонкость меча.

ТАЛИСМАНЫ.

Судьба на утрѣ дней дала мнѣ талисманы,
Число ихъ было три, и разны смыслы ихъ.
Одинъ меня повелъ въ невѣдомыя страны,
И тамъ я въ первый разъ влюбленный былъ женихъ.

Другой мнѣ изъяснилъ искусство завладѣнья
Сердцами,—и сердецъ покорныхъ не сочту.
А третій мнѣ явилъ тропинку нисхожденья—
Не въ глубину земли—въ меня, въ мою мечту.

И первый талисманъ, смѣясь, я бросилъ въ Море,
Второй швырнулъ въ окно, быть можетъ, подниму.
Но третій талисманъ—звѣзда въ моемъ уборѣ,
Я вѣрую теперь ему лишь одному.

ПИРЬ ЛЮБВИ.

Я бросилъ весело бокаль.
Ребенокъ звонко хохоталъ.
Спросилъ его, чего онъ такъ.
Сквозь смѣхъ онъ молвилъ мнѣ:—Чудакъ!

Бокаль любви разбилъ, но вновь
Захочешь пить, любить любовь.—
И въ тотъ же мигъ—о, какъ мнѣ быть?—
Я захотѣлъ любить и пить.

Куски я съ полу подобралъ,
Изъ нихъ составилъ вновь бокаль.
Но, весь израненный, я вновь
Не сладость пилъ, а только кровь.

ГРѢХЪ.

Кто создалъ безумное слово,
 О, слово постыдное:—Грѣхъ!
 Чуть смоешь пятно, вотъ оно означается снова,
 Мѣшаетъ, мѣняетъ, глушитъ, и уродуетъ смѣхъ.

Какъ жалкій воришка,
 Запрячется въ спальню. въ углу притаится какъ мышь,
 И смотреть—межъ двухъ не случится ли въ ласкахъ излишка,—
 Скривится, чу, шорохъ: „Довольно“, „Не болѣ“, „Лишь“.

Лишь то, а не это. Лишь тотъ, и не съ этой, а съ тою.
 Вотъ только. Вотъ столько. Шипѣнье, шуршанье змѣи.
 О, дьяволъ убогій, кропнись ты святою водою,
 Но гдѣ освятилъ ты поганья брызги свои?

Прочь! Прочь, говорю я!
 Здѣсь грѣшенъ лишь тотъ, кто осмѣлится вымолвить: „Грѣхъ“.
 О, свѣжесть ручьевъ! О, смѣющийся звукъ поцѣлуй!
 Весна и разливы! Счастливыи ликующій смѣхъ!

СМѢНА ЧАРЪ.

Въ дѣтствѣ искра изъ камина
 Брызнетъ, бросится—и намъ
 Въ этомъ цѣлая картина
 Пляшутъ тѣни по стѣнамъ.

А позднѣй мы любимъ свѣчи,
 И страницы старыхъ книгъ.
 Послѣ сказокъ—сказку встрѣчи,
 Поцѣлуй, любовь на мигъ.

Послѣ—пламенность, пожары,
 Зажигать, сжигать, горѣть.
 А потомъ—какія чары?
 Только—умереть?

РЕБЕНОКЪ.

Ребенокъ, весь свѣтлый, такъ мило курчавый,
 Сказалъ мнѣ: „Иду за тобой я,—а ты?
 За кѣмъ?“ Распускались весеннія травы,
 Пестрѣли, желтели цвѣты.
 И я, раземѣявшись, сказала: „За стихами.
 Стихи—вопъ за тѣмъ мотылькомъ.
 А онъ съ вѣтеркомъ—за цвѣтками,
 И вмѣстѣ играютъ они лепесткомъ“.
 — „А всё они вмѣстѣ?“ — „За Солнцемъ веселымъ“.
 — „А Солнце?“ — „За Тьмою“ — „Какъ, Солнце за Тьмой?
 Ты шутишь! Ты гадкій!“ О, медомъ тяжелымъ
 Наполнишь цвѣтокъ полевой!

ДѢТСТВО.

Какъ прелестенъ этотъ бредъ,
 Лепетъ дѣтскихъ словъ.
 Предумышленности нѣтъ,
 Нѣтъ въ словахъ оковъ.

Сразу—Солнце и Луна,
 Звѣзды и цвѣты.
 Вся Вселенная видна,
 Нѣтъ въ ней темноты.

Все что было—здѣсь сейчасъ,
 Все что будетъ—здѣсь.
 Почему жъ ты, Миръ, для насъ—
 Не ребенокъ, весь?

ТУЧКА.

Ты родилась, чтобъ тучкой быть.
 Чтобъ небо нѣжить и любить.
 Но, замѣненная судьбой,
 Ужь ты не въ безднѣ голубой.

Ты небо нѣжила легко,
 Ты тучкой рдѣла высоко,
 Но въ страшный часъ, но въ бурный часъ,
 Ты внизъ, слезами, пролилась.

ИЗБУШКА.

Въ лѣсу избушка малая
 Стоитъ себѣ одна.
 Дрема раскрылась алая,
 Окончилась весна.

Настали дни расцвѣтныя
 Июльской красоты.
 Вновь думы безотвѣтныя:
 О, гдѣ же, гдѣ же ты?

Надѣмъ цвѣтныя бусы я,
 И сяду надъ рѣкой.
 Повякнутъ косы русыя,
 Я думаю съ тоской.

Ты мнѣ сказала: „Желанная!
 Опять къ тебѣ приду“.
 И снова ночь обманная,
 Опять напрасно жду.

Ужь листьа осыпаются,
 Ужь осень на дворѣ.
 Ужь стаи птицъ скликаются,
 За лѣсомъ, на зарѣ. -

И я ли не лелѣла
 Завѣтныя мечты!
 А всё ихъ, всё развѣяло,
 Какъ лѣтніе цвѣты.

Наплакалась, намучилась
 Осенняя пора.
 И плакаться соскучилась,
 Уходить со двора.

Настали дни холодные,
 Повсюду снѣгъ и ледь.
 Пути застыли водные,
 И лишь мятель поеть.

Сугробы треплетъ бѣлые,
 Подъ кровлей шелестить.
 За сучья опѣмѣлые
 Зацѣпится, свистить.

Кричать какъ вѣдьма шалая,
 И стонеть тишина.
 Моя избушка малая
 Въ лѣсу одна, одна.

ДВА СТРОЯ.

1.

Я помню ясно. Все. Была весна.
 Я боленъ, бѣденъ, жалокъ, я не понять.
 Но развѣ не весной мечты хоронять?
 Въ душѣ былъ страхъ, недвижность, глубина.

Я медлилъ у высокаго окна.
 Миѣ мнилось: за стѣною кто-то стонеть.
 Любимая, проклятая, жена—
 Не слышно ей, что духъ мой, духъ мой тонеть.

Я бросился на камни сквозь окно.
 Но не было Судьбой миѣ суждено
 Достичь конца чудовищной ошибки.

И я лежалъ, разбитый, на землѣ.
 И слышалъ, какъ вверху, въ лучистой мглѣ,
 Гоялю—отвѣчали звуки скрипки.

2.

Прошли года. Я въ прошломъ вновь. Живу.
 Я въ память заглянулъ, какъ въ кругъ зеркальный.
 Паломанный и сиящій налву,
 Я въ пропасти какой-то, изначальной.

Недосигаемъ сводъ Небесъ хрустальный.
 Заклятый замокъ жизни весь во рву.
 Въ разлѣтости двухъ душъ, я, сонъ печальный,
 Проклятымъ никого не назову.

Спасенный странной помощью Незримых,
 Я всё свои изломы исцѣлилъ.
 Я всталъ съ земли въ силны свѣжихъ силъ.

Но съ этихъ дней, сквозь смѣхъ, межъ двухъ любимыхъ,
 Два строя звуковъ духъ мой различилъ:
 Двойной напѣвъ — враговъ непобѣдимыхъ.

ВЪ МОРЯХЪ НОЧЕЙ.

„Прощай, мой милый!“ — „Милая, прощай!“
 Замкнулись двери. Два ключа пропѣли.
 Дверь шепчетъ двери: „Что же, конченъ Май?“
 „—Какъ Май? Ужъ дни октябрьскіе приспѣли.“

Стукъ, стукъ. — „Кто тамъ?“ — „Я, это я, Мечта.
 Открой!“ — Стукъ, стукъ. — „Открой! Луна такъ свѣтитъ“.
 Молчаніе. Недвижность. Темнота.
 На зовъ души какъ пустота отвѣтитъ!

„Прощай, мой милый. Милый! Ха! Ну, ну.
 Еще въ ней остроумія довольно“.
 „—Онъ милой назваль? Вспомнилъ онъ весну?
 Ийти къ нему? Какъ бьется сердце больно!“

Стукъ, стукъ. — „Кто тамъ?“ Молчаніе. Темно.
 Стукъ, стукъ. — „Опять! Закрыты плохо ставни“.
 Въ моряхъ ночей недостижимо дно.
 Нѣтъ въ мірѣ власти — мигъ вернуть недавній!

ЗМѢННЫЕ ВАЛЫ.

Окна древіе, Змѣнные валы,
 Извивно-тяжкія мечты подземной мглы,
 Кругосозданія изъ марева бѣсовъ,
 Какъ перебраться къ вамъ? — Черезъ бездонный ровъ.

Созвѣздя слитныя, вы, гродья высоты,
 Змѣиполнокости, и ты, Луна, и ты,
 Звѣзда Вечерняя, вѣнецъ свершенныхъ дней,
 Гдѣ путь къ вамъ?—Черезъ зѣбрь, въ которомъ нѣтъ путей.
 О, души женскія, плѣненные мечтой,
 Вы, сочетавшія змѣнность съ красотой,
 Вы, вы, желанныя, скажите, какъ къ вамъ путь?
 —Черезъ бездонность глазъ. Дрожишь? Оставь. Забудь.

ОМУТЬ.

Надъ омутомъ, жутко-тѣмнымъ, глянцевинымъ,
 Ущербная свѣтитъ Луна,
 Съ лицомъ опрокинутымъ, странно неслитымъ
 Съ кокомъ полночнаго сна.

Но слитная страшно съ той пропастью властной,
 Съ тѣмъ круглымъ застывшимъ жерломъ,
 Гдѣ прошлою осенью, ночью непастной,
 Они утонулись вдвоемъ.

Они, эти странные блѣдные люди,
 Которыхъ встрѣчалъ я весной,
 Когда расцвѣтали на влагѣ, какъ въ чудѣ,
 Кувшинки подъ новой Луной.

ПРИЗРАКИ.

Птичка сѣрая летаетъ
 Каждый вечеръ подъ окно.
 Голосокъ въ кустахъ рыдаетъ,
 Что-то кончилось давно.

Звуки бьются такъ воздушно,
 Плачутъ тоньше, чѣмъ струна.
 Но внимають равнодушно
 Мірѣ, и Небо, и Луна.

Надъ усадьбою старинной
 Будто вовсе умеръ день.
 Подъ окошкомъ тополь длинный
 До забора бросилъ тѣнь.

Стало призракомъ свиданье,
 Было сномъ, и стало сномъ.
 Лишь воздушное рыданье
 Словно память подъ окномъ.

Эти звуки тонко лились
 Здѣсь и въ дѣдовскіе дни.
 Ничему не научились
 Ни потомки, ни они.

Вѣчно будетъ тополь длинный
 Холить траурную тѣнь.
 Въ сказкѣ счастья паутиной
 Разъ былъ день, и умеръ день.

СѢВЕРНОЕ ВЗМОРЬЕ.

Небо свинцовое, солнце невѣрное,
 Вѣтеръ порывистый, воды холодныя,
 Словно приливная, грусть равномерная,
 Мысли бесплодныя, вѣкъ безъисходныя.

Здѣсь даже чайками даль не освѣтится,
 Даже и тучкою только туманится,
 Раковинъ взору на взморьѣ не встрѣтится,
 Камешкомъ яркимъ мечта не обманется.

Зимами долгими, скудными веснами
 Думы подавлены, жизнь не взлелеяна.
 Море пустынное, съ темными соснами,
 Кѣмъ ты задумано, кѣмъ ты осмѣяно?

НАДЪ МОРЕМЪ.

По взморью иду я, не этому взморью, что зримо,
 Хотя каждый я день и по этому взморью хожу.
 Надъ Моремъ тоскую, что странно-воздушнѣ дыма,
 Гдѣ помыслы сердца свою отмѣчаютъ между.

Пустыня буруновъ. Приливно-отливная сказка.
 Извивность морей, пожелавшихъ воздушными стать.
 Ихъ бѣлая смерть. И опять. И другая завязка.
 Раскаты громовъ. И затишье. И мертвая гладь.

О, люди! Какъ жалко мнѣ васъ! Если бѣ только вы знали!
 Какой бы не принялъ я жертвы во имя людей?
 Но пѣть разрѣшенія для нашей всемирной печали,
 Какъ пѣть окончанья для пѣнны бездонныхъ морей.

ХОДЪ МОРЕЙ.

Неугомонный ходъ морей,
 Темно-зеленыхъ водъ.
 Нагроможденье голышей
 Въ какой-то склепный сводъ.
 И это въ долгой цѣпи дней,
 И такъ за годомъ годъ.

Гдѣ Море—суша тамъ была,
 Гдѣ суша—глыбы водъ.

Свѣтись, душа, пока свѣтла.
 Все вѣжно, что цвѣтеть.
 Играй среди добра и зла,
 Насъ въ свой чередъ заляеть.

И будемъ мы, въ тѣ дни свои,
 Ити какъ грозность водъ.
 И если встрѣтимъ бѣгъ ладьи,
 Она въ насъ гробъ найдетъ.
 Мы будемъ въ темномъ забытьи,
 За годомъ долгій годъ.

НЕ ЗНАЮ.

Я забылъ, откуда я пришелъ,
 Я, уйдя, не вспомню жизни здѣшней.
 Я не знаю, мой ли прозвонъ
 Создалъ свѣтлый призракъ съдымомъ золь,
 Осень предрѣшилъ въ улыбкѣ вѣшней.

Можетъ быть, я самъ свой вѣчный прагъ,
 Можетъ быть, подъ вѣшнимъ духъ склоняю.
 Больно мнѣ, но это вѣчно такъ,
 Я—писъмень безвѣстныхъ страннѣйшій знакъ,
 Вписанъ—да, но для чего—не знаю.

КРУТОВОРОТЬ.

Намъ всѣмъ дается день, одинъ, и ночь одна.
 Потомъ проснемся мы, но утро—въ Запредѣльномъ.
 Но въ этомъ днѣ одномъ есть осень и весна,
 Весь долгій пышный годъ, съ своимъ узоромъ цѣльнымъ.

Мы не хотимъ понять, что нашъ круговоротъ
 Включаетъ лѣсъ, поля, сады, дуга, и горы,
 Что въ немъ есть вся Земли, бездонность вѣчныхъ Водъ,
 И Небеса небесъ, гдѣ пьютъ безсмертье взоры.

Мы не слѣдимъ за тѣмъ, какъ тайный циферблатъ
Мѣняется отъ двухъ кружащихся движеній.
И звукъ двѣнадцати, полночный бой расплатъ,
Есть стонъ неожиданности и воли угрызений.

И кладбище потомъ. И маски мертвыхъ лицъ.
Не тѣхъ, что умерли, а тѣхъ, что вотъ, все живы.
Какъ не похожи мы на рой отлетныхъ птицъ,
Какъ не похожи мы на золотыя кивы!

ДОМОЙ.

звукъ осеннего прибой.

Прибой растетъ,
Гудитъ, поетъ,
Прибой живетъ
Свинцовыхъ водъ.

Немолчный гулъ.
Весь мѣръ уснулъ.
Одни валы
Поютъ изъ мглы.

Поютъ, зовутъ
На грозный судъ
Несвящій умъ,
Укорность думъ.

Прошло, прошло,
Что такъ свѣтло
Смѣялось намъ,
Манило къ днямъ.

Растративъ дни,
Задувъ огни,
Ушли мы прочь
Отъ свѣта въ ночь.

И вотъ прибой
 Намъ шлетъ гурьбой
 Могильный роп:—
 Въ гроба! Домой!

ЧУДОВИЩЕ СЪ КЛЕЙМОМЪ.

Я опустил свой лотъ. Мой лотъ—до дна морей.
 Я смѣрилъ глубину всѣхъ внятныхъ океановъ.
 Я былъ во всѣхъ домахъ. Стоялъ у всѣхъ дверей.
 Вкусилъ отъ меда пчель. Извѣдалъ ядъ обмановъ.

Мнѣ имя—Легионъ, средь геніевъ, чей знакъ—
 Вопросъ, всегда вопросъ, повсюду вопрошанье.
 Я раздвоилъ весь Міръ. Полярности. Свѣтъ и Мракъ.
 Вновь слилъ я Свѣтъ и Тьму. И цѣльнымъ сдѣлалъ Зданье.

Но жить въ немъ не хочу. Я знаю всѣ углы.
 Святая лѣтопись, но на звѣриной кожѣ.
 Все—безразлично, что, кроты или орлы—
 Чудовище съ клеймомъ: Всегда-Одно-и-То-же.

МОЛИТВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Боже, не дай мнѣ людей разлюбить до конца.
 Вотъ уже сердце, съ мучительной болью, слабѣе, слабѣе.
 И не о нихъ, о себѣ умоляю всекрасиваго Бога-Творца.
 Отвращенье уродуетъ все выраженье лица.
 Люциферъ свѣтелъ какъ Змѣй, но въ остывшемъ, уставшемъ, скло-
 нившемся Змѣѣ
 Червь просыпается. Ненависть, вспыхнувъ огнемъ,
 Падаетъ—до равнодушья, и стелется скользкимъ червемъ.
 Страшно мнѣ. Лучше—любить недостойныхъ.
 Думать нельзя безопасно о войнахъ.
 Лучше простить. Позабыть. Отдаваться. Иного не жаждать вѣнца.
 Низкимъ отдать все свое. Но душою быть въ помыслахъ стройныхъ.
 Боже, не дай, о, не дай мнѣ людей разлюбить до конца!

МИРОВЫЯ РОЗЫ.

КРИКЪ БЕЗОЦЕНКАГО.

Мнѣ снятся розы красныя,
 И золотисто-чайныя,
 И нѣжно-снѣжно-бѣлыя,
 Но радости мнѣ нѣтъ.
 Сверканія прекрасныя,
 Цвѣты необычайныя,
 Но стонуть сны несмѣлые,
 Что страшень черный цвѣтъ.

Мой садъ—Земля обширная,
 И весны въ немъ повторныя,
 Силетелья многозвѣздныя
 Мѣняютъ свѣтъ и тьму.
 Но таятъ сказка ширяя,
 Встаютъ видѣнья черныя,
 И болты мнѣ желѣзные
 Велятъ упасть въ тюрьму.

Какъ цѣни снить ужасныя?
 О, какъ сломя тѣ болты я?
 О, гдѣ вы, братья смѣлые?
 Какъ снить намъ этотъ гнетъ?
 Сперва царили Красныя,
 Потомъ царили Желтыя,
 Теперь кончаютъ Бѣлые,
 За Черными чередь.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ПОЛЕ.

Ровное, чистое,
 Поле пустистое,
 Путь убѣгаетъ—куда?

Къ недостижимому,
 Счастью любимому.
 Счастье, блеснешь ли когда?

Только пойдешь къ тебѣ,
 Только речешь Судьбѣ:
 Дай же мнѣ, дай мнѣ мой Рай,—
 Поле мѣняется,
 Путь затрудняется.
 Рытвины, вотъ, примѣчай.

Темныя пропасти,
 Страшныя лопасти
 Жадно-разъятыхъ цвѣтовъ,
 Дьяволомъ стѣнныхъ,
 Вѣдмой взлелѣянныхъ,
 Вѣдмой повторности снова.

Тѣхъ же все тающихъ,
 Умъ ослѣпляющихъ,
 Въ омутъ ведущихъ, во рвы.
 Сонными чарами,
 Чадомъ, кошмарами
 Дышуть всѣ стебли травы.

И засыпаешь ты,
 Сонно блуждаешь ты,
 Надаешь, тянешся внизъ.
 Ты изуродованъ,
 Весь обнародовавъ,
 Явность ты, липкость, и склизь.

Сыты ли лопасти?
 Полны ли пропасти?
 Кто ихъ наполнить, и чѣмъ?
 Въ снахъ повторительныхъ,

Вѣчно-мучительныхъ,
Слѣпъ ты, и глухъ ты, и нѣмъ.

Вдругъ все окончено.
То, что утопчено,
Рвется, блѣднѣетъ—и вотъ
Снова на водѣ ты,
Снова на полѣ ты,
Снова дорога—зоветь.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА.

Кто найдеть Одоленъ-траву, тотъ
вельми себѣ талантъ обращеть на
земли.

Народный Травникъ.

Одоленъ-траву,
Я среди чужихъ,
Стыдуть всѣ слова,
Замираетъ стихъ.
Я среди людей,
Нѣтъ житья отъ нихъ,
Помогн скорѣй,
Дай мнѣ спѣть мой стихъ.
Ты, какъ я, выросла
Межъ полей, въ лѣсахъ,
Подъ Лунной свѣтла
На нѣмыхъ волнахъ.
Ты печальница,
Нѣжный цвѣтъ твой бѣлъ,
Ты купальница,
Водиной прострѣлъ.

Пала молнія
 Въ безглагольность водъ,
 Пала молнія,
 И цвѣтокъ цвѣтеть.
 Одолень-травя,
 Ужь который годъ
 Ты свѣтло-жива
 Межь зеркальныхъ водъ.
 Я блуждалъ, скорбя,
 Межь пустыхъ полей,
 Я нашель тебя,
 Помоги скорѣй.
 Одолѣй ты мнѣ
 Не обрывы горъ,
 Гдѣ на темномъ днѣ
 Шепчетъ темный боръ.
 О, не мракъ лѣсной,
 И не тьму ночей,
 И не омутъ злой,
 И не ширь степей.
 Одолень-травя,
 Одолѣй ты мнѣ
 Тѣхъ, въ комъ жизнь едва
 Тлѣетъ въ тускломъ снѣ.
 Кто, какъ мертвый гнетъ,
 Тяготитъ мечты,
 Межь зеркальныхъ водъ
 Не узнавъ цвѣты.
 Ты всегда жива,
 Талismanъ лучей,
 Одолень-травя,
 Одолѣй людей.

МИРОВОЕ ДРЕВО.

Подъ старымъ дубомъ я сидѣлъ.
 Кругомъ тепло, свѣтло.
 А старый дубъ гудѣлъ и пѣлъ.
 Я заглянулъ въ дупло.

Тамъ былъ пчелиный дикій рой.
 Они жужжать, поютъ
 Красавецъ лѣса вѣковой
 Минутнымъ даль пріютъ.

Не также ль мы жужжимъ, поемъ
 Въ пещерахъ міровыхъ?
 Въ дулистомъ Небѣ, круговомъ,
 Поемъ судьбѣ свой стихъ.

Но насъ не слышать Игдразиль
 Таинственныхъ судьбъ.
 Мы въ медъ сольемъ цвѣтную пыль,
 Но медъ нашъ сложимъ въ склепъ.

И лишь въ глубокой часъ ночей,
 Когда такъ вѣщи сны,
 Узоръ звѣздящихся вѣтвей
 Намъ свѣтитъ съ вышины.

КЪ НЕБУ.

Небо, тебя я пою,
 Напѣвомъ прерывнымъ.
 Небо, тебя я пою,
 Красоту голубую твою.
 Но ты мнѣ не будешь отзвнымъ.
 Все, что въ себѣ ты таишь, колыбель несосчитанныхъ звѣздъ,

Ты для себя создаешь, и лепишь, качаешь,
 Бросишь кометы, планеты кругомъ расцвѣчаешь,
 Бездну вспоишь и надъ бездною вытянешь мость.
 Но на призывъ, на призывъ лишь загадками мнѣ отвѣчаешь,
 Ты—водоемъ,
 Вѣчно въ себя изъ себя истекаешь, играешь, колодецъ эвирный.
 Ты—водоемъ,
 Взглянешь—утонешь въ богатствѣ твоємъ.
 Если кому быть богатымъ, такъ Безднѣ, конечно, всемірной.
 Роскошь твоя—безъ конца.
 Только зачѣмъ же я блѣденъ?
 Небо, быть можетъ, ты любишь, что падаютъ слезы съ лица?
 Можетъ, кому я свѣчу, потому что отъ боли я блѣденъ?
 Звѣзды вѣдь блѣдны на Млечномъ Пути.
 Что жъ, мое сердце, сердце людское,
 Порвись и цвѣги.
 Красокъ такъ много, возьми сочетанье любое,
 Въ золотѣ, въ пурпурѣ можешь взрости,
 Тѣшься, играй, расцвѣти, отцвѣти.
 Въ Морѣ утонешь, красиво оно, голубое.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Твой вечеръ настанетъ, и вмѣсто всемірности вольнаго свѣта,
 За Солнцемъ погаснимъ, затеплишь ты въ тѣсномъ покоѣ свѣчу.
 Твой вечеръ настанетъ. Кончается лѣто.
 За лѣтомъ? За осенью? Что тамъ? Молчу.
 Мы любимъ, хотя намъ и жутко отъ тѣни,
 Мы любимъ законченность комнатъ знакомыхъ съ узоромъ нѣмыхъ
 половиць.
 Крыльцо на запорѣ. Не хрустнуть ступени.
 Нѣмыя!
 Дрожать на стѣнѣ, какъ живыя,
 Отраженья движеній.
 И въ странномъ, въ какомъ-то церковномъ сближеніи сочетаются
 блѣдности лицъ.

Безъ звука веселій,
Глава утопають въ глазахъ.
Что скрыто въ ихъ безднахъ? Въ нихъ духи сейчасъ пролетѣли?
Въ нихъ омутъ печали? Въ нихъ сказка свиданія? Страхъ?
Никто не придетъ къ вамъ. На версты кругомъ закрутились
завѣи мятели.
Не плачь и не бойся. Въ затѣяхъ-завѣяхъ мы тонемъ, но свѣтимъ,
какъ звѣзды въ ночахъ.

ПРИ МОРЬ ЧЕРНОМЪ.

При Морѣ черномъ стоятъ столбы.
Столбы изъ камня. Число ихъ восемь.
Приходить часто сюда рабы.
И сонмы юныхъ несутъ гробы.
Блѣднѣютъ зимы. И шепчетъ осень.

Порой и звѣри сюда дойдутъ.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуютъ? Что дѣлать тутъ?
Пойдутъ, забродить, и упадутъ,
Уставъ стремиться, уставъ кружиться.

При Морѣ черномъ стоятъ столбы.
Отъ дней додневныхъ. Число ихъ грозно.
Число ихъ вѣще межъ числъ Судьбы.
И ихъ значенья на крикъ мольбы:—
Навѣкъ. Безгласность. Враждебность. Поздно.

ВЪ ПУТЬ.

День мѣняется на вечеръ, коротается,
Солнце красное на Западъ сдвигается.
Лѣсъ зеленый на предѣлахъ сталъ свѣтлѣй,
Лѣсъ зеленый въ чащѣ принялъ тьму тѣней.

Въ путь-дорогу, въ путь-дорогу, въ даль скитанія,
 Воздохнувъ, пошли, идуть мои мечтанія.
 Бѣлый ликъ, тесовый гробъ, туманъ, тоска.
 Въ путь-дорогу. Въ путь. Дорога далека.

КЪ НОРНАМЪ.

Парки, Норны, Суденицы,
 Назначающія часъ,
 Необманныя Дѣвицы,
 Кто вамъ, страшнымъ, предалъ насъ?
 Парки, Норны, Суденицы,
 Скоро ль мой настанетъ часъ?

Ткань готова. Бредилъ Случай.
 Я встрѣчался съ Красотой.
 Больше, Мигъ, меня не мучай,
 Не смѣняй черту чертой.
 Да укроюсь черной тучей,
 Да уплюсь моею бѣдой.

Это—Было, Есть, и Будетъ—
 Раздробило цѣльность сна.
 Норны, Сѣверъ да остудитъ
 Сердце, гдѣ жила Весна.
 Пусть меня весь мѣръ забудетъ.
 Мной забыть онъ. Тишина.

ТѢСНЫЙ ГРОТЪ.

Тесовый гробъ, суровый гротъ смертельныхъ окончаній,
 Въ пространствѣ узкихъ тѣсныхъ стѣнъ восторгъ былыхъ лобзаній.
 Тяжелый духъ, цвѣты, цвѣты, и отцвѣтанье тѣла,
 Застылость чувственныхъ красотъ, въ которыхъ жизнь пронѣла.

безгласность губъ, замкнутость глазъ, недвижность ногъ уставшихъ,
до знавшихъ пляску, быстрый бѣгъ, касанье ласки знавшихъ.

Каменный гробъ, твой цѣнный кладъ еще прекрасенъ нынѣ,
не сразу гаснетъ смѣлый духъ померкнувшихъ въ пустынѣ.

Но, тѣсный гротъ, твой мертвый кладъ въ ужасность превратится.
У, шорохъ. Вотъ. Безглазый взглядъ. Чу, кто-то шевелится.

ПУТЬ ТУДА.

Путь туда—безповоротный,
Въ безъизвѣстную страну,
Можетъ, къ низости болотной,
Можетъ, въ вѣчную Весну,
Можетъ, къ радости вольготной,
Можетъ, въ омутъ, внизъ, ко дну.

Лютый звѣрь туда прорыщетъ,
И навѣкъ прощайся съ нимъ,
Путь туда едва кто ищетъ,
У живыхъ онъ нелюбимъ,
Только Вѣтеръ, онъ просвищетъ,
Но воротится другимъ.

Ничего онъ не расскажетъ,
Только дивно воздохнетъ,
Тѣнь отъ травъ иною ляжетъ,
Ниже глянеть Неба сводъ,
Сердце словно кто-то свяжетъ,
Тьма въ немъ, тьма въ немъ запоетъ.

СИНИЙ КАМЕНЬ.

Если хочешь молча плакать съ неразлучною тоской,
 Приходи смотри́ть на травы, на осоку надъ рѣкой.
 Травы бѣлый цвѣтъ роняютъ на текучую волну.
 Шелестить, шуршитъ осока. Боль въ душѣ идетъ ко дну.

Приходи сюда къ теченью, въ преломленіи зари.
 Неподвижный Синій камень, какъ любимый, избери.
 Въ тихомъ шелестѣ осоки, въ бѣломъ цвѣтѣ лепестковъ,
 Ты уснешь на Синемъ камнѣ, межъ зеленыхъ береговъ.

Не увидать, не узнають, не притронутся къ слезамъ.
 Не увидишь самъ, что видно душу синимъ Небесамъ.
 Только дрогнешь, какъ приснится, что навѣкъ — рѣка съ тобой,
 Неподвижный Синій камень, Небо, сумракъ голубой.

ВСЕБЕЗПРИЮТНОСТЬ.

Не вся ли Земля для меня—отчизна моя роковая?
 Не вся ли Земля—для меня?
 Я повсюду увижу—изъ сѣрыхъ тумановъ рожденіе краснаго дня,
 И повсюду мнѣ Ночь будетъ тайны шептать, непостижности звѣздъ
 зажигаая.

И звездъ я склонюсь надъ глубокой водой,
 И, тоскуя душой, навсегда—молодой,
 Буду спрашивать, гдѣ же мечты молодыя
 Будутъ счастливы, видя цвѣты золотые,
 Безъ которыхъ всечасно томится душа.
 О, Земля одинакова всюду, въ жестокомъ нѣжна, въ чернотѣ
 хороша.

Я повсюду найду глубину отражений зеркальных
 Чьихъ-то глазъ вопрошающихъ, сказокъ печальныхъ,
 Въ ихъ сіяньи нѣмомъ темноты и огня.
 Не вся ли Земля—намъ отчизна, навѣкъ роковая?
 И Небо, все Небо—для нихъ, для меня,
 Повсюду насъ Ночь обойметъ, намъ звѣзды, какъ слезы, роняя.

БЛИЗЪ СИНЯГО КАМНЯ.

Близъ Синяго камня песокъ золотой,
 Песокъ золотой, измельченный Водой.

Вода—голубая, прозрачная днемъ,
 И черная, алая во мракѣ nocturno.

Близъ Синяго камня песокъ золотой,
 И падаетъ съ Неба звѣзда за звѣздой.

Вода уможаетъ и точитъ песокъ,
 А Камень все тотъ же, и путь все далекъ.

Пути всѣ далѣки для тѣхъ, кто идетъ
 Пескомъ измельченнымъ, надъ сказкою водъ.

И вѣчно все тотъ же песокъ золотой,
 Близъ Синяго камня, надъ вѣчной Водой.

ВОПЛЬ.

Я вѣрю въ возможную силу и правду—его, всепобѣднаго Свѣта.
 Но есть несчастливцы, что гибнуть зимою, задолго до роскоши лѣта.

Я знаю, что много озеръ серебряныхъ, въ горахъ и въ лѣсахъ
 первозданныхъ.

Но сколько умерли въ жаркой пустынь, безъ влаги, безъ капель
 желанныхъ.

Я видѣлъ, какъ кондоръ царить надъ пространствомъ, какъ мощь
альбатроса прекрасна.

Но сколько убитыхъ для нихъ, именитыхъ, подумать— подумать
ужасно.

Я вижу, я слышу, я помню, я знаю, что было, что есть здѣсь,
что будетъ.

Но, въ бездну изъ бездны срываясь, въ столѣтьяхъ, мой вопль
никого не пробудить.

ОТСВѢТЫ.

Мы—нѣсколько маленькихъ раковинъ близъ кипѣнья 'безсмерт-
ныхъ морей.

Мы—нѣсколько пѣнныхъ узорностей, летимъ все скорѣй и скорѣй.

Мы—бѣлыя тучки, чуть видныя, бахрома разорвавшихся грозъ.

Мы таемъ, блистаемъ, и падаемъ слезами на мертвый утесъ.

Мы—стебли былиннокъ, что выросли на разбитой стѣнѣ крѣпостной.
Весною своею цѣпляемся за осень мечты неземной.

Мы думаемъ, будто мы думаемъ, нами думаютъ вихри міровъ.

Мы—отзвуки тысячныхъ отзвуковъ отъ звука неадѣшнихъ громовъ.

Мы думаемъ, будто мы вѣдаемъ Воскресенья зиждательный свѣтъ.

Мы, бѣдные блѣдные отсвѣты оттуда, гдѣ мѣста намъ нѣтъ.

АМУЛЕТЫ ИЗЪ АГАТА

Gdziez jesteś, synu zemsty?

Kraśński.

Śpiewaj i przeklinaj!

Mickiewicz.

Гдѣ же ты, сынъ мщенья?

Краснощѣ.

Поѣ и прокливай!

Ницшевичъ.

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ.

Черные вороны, вору играли надъ нами.
Каркали. День погасалъ.
Темными снами
Призракъ наполнилъ мнѣ блѣдный бокалъ.
И, обратившись лицомъ къ погасающимъ ворьямъ,
Пилъ я, закрывши глаза,
Видя сквозь блѣдныя вѣки дороги съ идущимъ и ѣдущимъ стор-
бленнымъ Горемъ.
Вороны вдругъ прошумѣли какъ туча, и вмигъ разразилась гроза.
Словно внезапно раскрылись обрывы.
Выстрѣлы, крики, и вопли, и взрывы.
Гдѣ вы, друзья?
Странный бокалъ отъ себя оторвать не могу я, и сказка моя
Держитъ меня, поблѣднѣвшаго, здѣсь, заалѣвшими снами-цѣпями.
Мысли болятъ. Я, какъ призракъ, застылъ.
Двинуться, крепнуть—нѣтъ воли, нѣтъ силъ.
Каркаютъ вороны, каркаютъ черные, каркаютъ злые надъ нами.

АМУЛЕТЫ ИЗЪ АГАТА.

Амулеты изъ агата,
И другихъ цвѣтныхъ камней,
Ты дала мнѣ въ часъ заката,
Въ часъ заката красныхъ дней.

Я съ самимъ собой прощался,
 О, Колдунья, и съ тобой,
 Общала я, общался
 Быть въ пещерѣ голубой.

Да, къ полднейной позолотѣ
 Позабывши путь и слѣдъ,
 Подбирать въ лазурномъ гротѣ
 Къ амулету амулетъ.

Я свершилъ обѣтъ заклатья,
 Я забылъ, сдержавъ свой правъ,
 Розы губъ, восторгъ объятъ,
 Изумруды нѣжныхъ травъ.

Камни, камни заклинаній
 Ты дала мнѣ—вотъ они.
 Въ ихъ узорахъ—міръ стенаній,
 Чуть одинъ пошевели.

Въ нихъ нащѣвность такъ богата,
 Въ ихъ мерцаньяхъ—смерть врагу.
 Но враждою сердце смято,
 Больше быть здѣсь не могу.

Стоны грома въ мигъ раската,
 Вотъ они—бери, скорѣй.
 О, заклята жизнь агата,
 Сколько воли въ снахъ камней!

КРИКЪ.

Мой крикъ былъ бы свѣтлымъ и юнымъ,—
 Не встрѣтивъ отвѣта, онъ сдѣлался влымъ.
 И предалъ я духъ свой перунамъ,
 Я ударилъ по авонкимъ рыдающимъ струнамъ,
 И развѣялась радость, какъ дымъ.

Я былъ бы красивымъ,
 Но я встрѣтилъ лишь маски тьмы темъ оскорбительныхъ лицъ.
 И умъ мой, какъ вѣтеръ бѣгущій по нивамъ,
 Сталъ мнущимъ и рвущимъ, сталъ гнѣвнымъ, ворчливымъ,
 Забылъ щебетанія птицъ.

Надъ Моремъ я плачу,
 Надъ холодной и вольной пустыней морей.
 О, люди, вы—трупы, вы—звѣри, въ придачу,
 Я дни межъ солеными брызгами трачу,
 Но жить я не буду въ удушьи людей.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЪ.

Полночный часъ. Вѣдовски-страшный часъ.
 День схоронель. И вновь родится сложность.
 Разъять восторгъ и пытку—невозможность.
 Изъ вышнихъ безднъ глядеть бездонность глазъ.

Какъ жутко мнѣ. Вотъ глуше все и тише.
 И вѣянье я слышу въ тишинѣ.
 Такъ бархатно. Какъ будто льетъ ко мнѣ
 Беззвучное крыло летучей мыши.

КРУГИ.

Круговидныя свѣтила—
 Безъ конца и безъ начала.
 Что въ нихъ будетъ, то въ нихъ было,
 Что въ нихъ нѣжность, станеть жало.

Что въ нихъ ласка, есть отравя,
 А изъ мрака, а изъ яда
 Возникаеть чудо-слава,
 Блескъ заманчивый для взгляда.

Изъ вулкановъ, изъ обрывовъ,
 Гудняковъ и разрушенья—
 Роскошь яркихъ переливовъ,
 Драгоценныя каменя.

Изъ кошмарности рожденій,
 Съ святой грязи, крови, криковъ—
 Свѣтлый геній пѣснопѣній,
 Сонмы стройныхъ женскихъ лиговъ.

А изъ жизни вновь могла,
 И гореть, лазурно, ало,
 Круговидныя свѣтила,
 Безъ конца и безъ начала.

ИНДИЙСКИЙ ТОТЕМЪ.

Индійскій тотемъ—жуткій знакъ,
 Рѣзная сложная колонна.
 Изъ звѣря—звѣрь. Кто другъ, кто врагъ,
 Не разберешь. Здѣсь все—уклонно.

Другъ друга держать всё во рту,
 Убийца—каждый, и убитый.
 Грмая, рождаютъ красоту,
 Глядятъ бѣсовски-волчьей свитой.

Уста, и пасти, и глаза,
 Звѣринокрылость, чудо-рыба.
 Въ цвѣтныхъ зрачкахъ горить гроза,
 Жизнь въ жизни—въ змѣйностяхъ изгиба.

И древо жизни міровой
 Растетъ въ чудовищной прикрасѣ,
 Являясь мной, чтобъ стать тобой,
 Пьяня и множа ипостаси.

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ.

Святой Георгій, убивъ Дракона,
 Взглянулъ печально вокругъ себя.
 Не могъ онъ слышать глухого стона,
 Не могъ быть свѣтлымъ—лишь свѣтъ любя.

Онъ съ легкимъ сердцемъ, во имя Бога,
 Копье намѣтилъ и поднялъ щитъ.
 Но мыслей встало такъ много, много,
 И онъ, сразивши, сраженъ, молчить.

И конь святого своимъ копытомъ
 Ударилъ гнѣвно о край пути.
 Сюда онъ прибылъ путемъ избитымъ.
 Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгій, святой Георгій,
 И ты извѣдалъ свой высшій часъ!
 Предъ сильнымъ Змѣемъ ты былъ въ восторгѣ,
 Предъ мертвымъ Змѣемъ ты вдругъ погасъ!

ВСТРѢЧА.

Сонъ жуткій пережилъ вчера я наяву.
 По улицѣ я шель—однѣнъ, не я всегдашній,
 Лишь тѣло, трупъ меня, что тѣломъ я зову.
 Тюрьма передо мной своей грозилась башней.

И вотъ навстрѣчу мнѣ идетъ моя душа,
 Такая же, какъ я, до грани совпаденья.
 Такъ прямо на меня, упорно, не спѣша,
 Съ рѣшеніемъ нѣмымъ жестокаго видѣнья.

Мой трупъ упрямо шель. Былъ труденъ каждый шагъ.
 Но встрѣча этихъ двухъ сближалась неуклонно.
 Какъ будто въ зеркалѣ, вотъ—я, но я—мой врагъ.
 Идемъ. Тюрьма молчитъ. Враждебна высь, бездонна.

Все ближе, ближе мы. Блѣднѣю я и онъ.
 И вдругъ насъ больше нѣтъ. Мигъ ужаса. Мигъ встрѣчи.
 Умъ вброшенъ въ темноту. На башнѣ тихій звонъ.
 Кому-то цѣлмай мѣръ, упавъ, налегъ на плечи!

ПРИЗРАЧНЫЙ НАБАТЬ.

Я духъ, я призрачный набать,
 Что внятенъ только привидѣньямъ.
 Дома, я чувствую, горять,
 Но люди скованы забвеньемъ.

Крадется дымный къ немъ огонь,
 И воплемъ полонъ я безгласнымъ,—
 Гуди же, колоколъ, трезвонъ,
 Будь крикомъ въ сумракъ неясномъ.

Ползеть густой, вѣится дымъ,
 Какъ тяжкій звѣрь—ночная чара.
 О, какъ мнѣ страшно быть вѣвымъ
 Подъ мѣднымъ заревомъ пожара!

ТЕТЕНЬКА ИЗЪ СЕЛА.

—Тетенька, тетенька, миленькая,
 Что ты такая уныленькая?
 Или не рада, что къ намъ изъ села
 Въ городъ пошла ты, и въ городъ пришла?

—Экъ ты, дѣвчонка, горазда болтать.
 Чуть подросла, отъ земли не видать,
 Только и знаешь—шуршишь, словно мышь.
 Что же ты тетку свою тормошишь?

—Тетенька, можетъ, мой разумъ и малъ,
 Только вотъ вижу—нашъ смѣхъ замолчалъ.
 Тетенька, право, мнѣ страшно съ тобой,
 Точно здѣсь кто-то еще есть другой.

—Дѣвонька, эти ты глупости брось,
 Къ почи нельзя такъ болтать на авось.
 Лучше давай про село расскажу,
 Послѣ помолимся, спать уложу.

Въ городѣ, дѣвонька, все бы вамъ смѣхъ,
 Въ городѣ много забавъ и утѣхъ.
 Наши избенки-то, наше село
 Лѣсомъ, потемками все облегло.

Въ лѣсъ за дровами—а тамъ лѣсовикъ,
 Вонъ за стволемъ притаился, прятникъ.
 Чуръ меня, крикнешь—онъ вытянетъ востъ,
 Такъ захохочетъ—по кожѣ морозъ.

Ночью, какъ это такъ выйдешь на дворъ,
Звѣри какіе-то смотрять изъ норъ,
Совы на крышѣ усядутся въ рядъ,
Углемъ глаза, какъ у вѣдьмы, горять.

Въ избу назадъ—а въ вѣти домовой,
Ты на полати—а онъ ужь съ тобой,
Вотъ навалился—и стовешь во слѣ,
Душно такъ, тяжело такъ, страшно такъ мнѣ.

Нежати ходять, бормочутъ во тьму,
Шепчуть, скривясь,—ничего не пойму.
Словно они балалаечники,
Башники, перебашники.

Тетка умогла. Дѣвчонка спала.
Тетку дослушать она не могла.
Обѣ застыли, я въ комнатѣ той
Явно, что кто-то еще былъ другой.

ПОДМѢНЫЩЪ.

Я мать, и я люблю дѣтей.
Едва зажжется Мѣсяць, серповидно,
И плачу у окна.
Мнѣ больно, страшно, мнѣ мучительно-обидно.
За что такая доля мнѣ дана?
Зловѣщій прудъ, погость, кресты,
Мнѣ это все отсюда видно,
И я одна.
Лишь Мѣсяць свѣтитъ съ высоты.
Онъ жнеть своимъ серпомъ? Чтò жнеть? Я брежу. Полно. Стыдно.
Будь твердой. Плачь, но твердой нужно быть.
Отъ Неба до Земли, сіяя,
Идетъ и тянется нервущаяся нить.
Ты мать, умѣй, забывъ себя, любить.

Да, да, я мать, и я дурная,
 Что не умѣла сохранить
 Своихъ дѣтей.
 Ихъ всёхъ сманила въ прудъ Колдунья злая,
 Которой нравится сводить съ ума людей.
 Тихонько ночью приходила,
 Когда такъ крѣпко я спала,
 Мой сонъ крѣпя, дѣтей будила.
 Какая въ ней скрывалась сила,
 Не знаю я. Весь міръ былъ мгла.
 Своей свѣчой она свѣтила,
 И въ прудъ ея свѣча вела.
 Чѣмъ, чѣмъ злодѣйка ворожила,
 Не знаю я.
 О, съ тѣми, кто подъ сердцемъ былъ, разстаться,
 О, жизнь несчастная моя!

Лишь въ мысляхъ иногда мы можемъ увидаться,
 Во снѣ.

Но это все—не все. Она страшнѣй, чѣмъ это.
 И казнь безжалостнѣй явила Вѣдьма мнѣ.
 Вонъ тамъ, въ сѣннѣ мѣсячнаго свѣта,
 Въ той люлькѣ, гдѣ качала я дѣтей,
 Когда малютками они моими были,
 И каждый былъ игрушкою моею,
 Предъ тѣмъ, какъ спрятался въ могилѣ
 И возростилъ плакунъ-траву,
 Лежить подмѣнышъ злой, уродливый, нескладный,
 Котораго я нежитью зову,
 Свирѣпый, колченогій, жадный,
 Глазастый, съ страшною распухшей головой,
 Ненасытимо-плотоядный,
 Подмѣнышъ злой.
 Чуть взглянетъ онъ въ окно—и листь березы вянетъ.
 Шуршитъ недобрый вихрь желтѣющей травой,—

Вдруг схватить дудку онъ, играть безумно станеть,
 И молнія въ овины гряпетъ,
 И пляшетъ все кругомъ, какъ въ пляскѣ хоровой,
 Несутся камни и полѣнья,
 Подмѣнышь въ дудку нмѣ дудить,
 А люди падаютъ, въ ихъ сердца онѣмѣнье,
 Молчать, блѣднѣютъ—страшный видъ.
 А онъ глядитъ, глядитъ стеклянными глазами,
 И ничего не говорить.
 Я не пойму, старикъ ли онъ,
 Ребенокъ ли. Онъ тѣшится надъ нами.
 Молчить и вѣсть. Вдругъ тихій стонъ.
 И жутко такъ раздастся голосъ хилый:—
 „Я старъ, какъ древній лѣсъ!“
 Повѣсть въ воздухъ могилой.
 И точно встанеть кто. Мелькнулъ, прошелъ, исчезъ.

Однажды я на страшное рѣшилась:—
 Убить его. Жить стало невтерпѣжъ.
 За что такая мнѣ немилость?
 Убрать изъ жизни эту гнилость.
 И вотъ я наточила ножъ.
 А! какъ сегодня ночь была, такая,
 На небѣ Мѣсяцъ всталъ серпомъ.
 Онъ спалъ. Я подошла. Онъ спалъ. Но Вѣдьма злая
 Слѣдила въ тайности, стояла за угломъ.
 Я не видала. Я надъ нимъ стояла:
 Я только видѣла его.
 Въ моей душѣ горѣло жало.
 Я только видѣла его.
 И жажду тѣшила нѣмую:—
 Вотъ эту голову, распухшую и алую,
 Стрѣзять, отрубить, чтобы исчезъ паукъ,
 Притихъ во мракѣ гробовомъ.
 „Исчезнешь ты!“ И я ударила ножомъ.
 И вдругъ—

Не тѣло предо мной, мякина,
 Солома, и въ соломѣ кровь,
 Да, въ каждомъ стеблѣ кровь и тина.
 И вотъ я на пруду. Трясина.
 И въ домѣ я опять. И вновь
 Бѣлѣть Мѣсяцъ серповидно.
 И я у моего окна.
 Въ углу подмѣныша мнѣ видно.
 Тамъ за окномъ погость. Погость. И я одна.

НѢТЬ СЛЕЗЪ.

Нѣть слезъ. Я больше плакать не умѣю,
 Съ тѣхъ поръ какъ посвященъ я въ колдуны.
 О, Вѣщая Жена! Я вѣдалъ съ нею
 Вѣдовское. На зовъ ея струны
 Скликались звѣри. Говоръ человѣчій
 Былъ межъ волковъ лѣсныхъ. А межъ людей
 Такіе, въ хрипахъ, слышались мнѣ рѣчи,
 Что нѣтъ ужъ больше слезъ въ душѣ моей.
 Кто тамъ подъ пыткой? Кто кричитъ такъ звонко?
 Молчу. Себя заклялъ я колдовски.
 Мучь всѣхъ! Мени! Мучь моего ребенка!
 Мольбы не будетъ. Кровь забьетъ въ виски.
 Забьется въ головѣ какъ тяжкій молотъ.
 Но слезъ моихъ тебѣ, палачъ, не знать.
 Пусть будетъ самый сводъ Небесъ расколотъ.
 Ты проклять. Тверды мы. И эту рать
 Не побѣдитъ палачествомъ убогимъ.
 Мы все ростемъ. Стальнѣетъ пытка въ насъ.
 Минуты время движутъ кругомъ строгимъ.
 Ты проклять! Проклять! Жди! Еще лишь часъ!

ОТЗВУКЪ НАРОДНАГО.

Ужь ты, Солице, Солнце красно,
 Ты съ полуночи взойди,
 Чтобъ очамъ не ждять напрасно,
 Кто тамъ, что тамъ впереди.
 Чтобъ покойникамъ въ могилѣ
 Не во тьмѣ глухой свидѣть.
 Чтобы съ глазъ они сложили
 Закрывающую мѣдь.

Ужь ты, Мѣсяцъ, Мѣсяцъ ясный,
 Глянь, и съ вечера взойди,
 Чтобъ забыть о мукѣ страстной,
 Что осталась позади.
 Чтобы мертвымъ, властью слова,
 Властью свѣта твоего,
 Не крушить, изъ-за былого,
 Ретивого своего.

Ужь ты, Вѣтеръ, Вѣтеръ буйный,
 Ты съ полуночи возвѣй,
 Многовѣйный, многоструйный,
 Будь отрадою моею.
 Возвѣсти моимъ родимымъ,
 Что и въ насъ безстрашный свѣтъ.
 Все мы бросимъ, пустимъ дымомъ,
 Но пойдёмъ за ними вслѣдъ.

ЗОРЯ-ЗОРИНИЦА.

ЗАГОВОРЪ.

Зоря-Зоряница,
 Красная Дѣвица,
 Красная Дѣвица, полуночица.
 Красныя губы,

Бѣлые зубы,
Свѣтлыя кудри, свѣтлоочница.
Всѣ ли вы, Зори,
Въ красномъ уборѣ,
Съ кровавыми лентами, рдяными?
Вѣчно ли крови,
Встари и внови,
Розами быть надъ туманами?
Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Будь ты моею защитою,
Отъ вражіей силы,
Довременной могилы,
И отъ жизни, тоскою повитою.
По какому нитю,
Рудожелтою нитю,
Ты, иглой золотою, проворною
Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой,
Своей узоръ надъ трясинною черною?
Чудо-дѣвица,
Зоря-Зоряница,
Зоря-Зоряница прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости въ краскѣ,
Будеть ужь, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись,
Будеть намъ, ужь будетъ этой алости.
Или ты, Зоря,
Каждый день горя,
Такъ и не узнаешь вѣжной жалости?

ЗАКЛИНАНИЕ.

Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, зачѣмъ ты мнѣ данъ?
 Ты неясно мнѣ свѣтишь въ ночахъ.
 Ты застывшій потухшій вулканъ.
 Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, зачѣмъ сквозь туманъ
 Ты застылый внушаешь мнѣ страхъ?

Вѣтеръ, Вѣтеръ, зачѣмъ средь вѣтвей,
 Очерняемыхъ осенней порой,
 Ты шуршишь все страницѣй и страницѣй?
 Вѣтеръ, что жъ въ этой пѣснѣ твоей,
 Или только играешь ты мной?

Мѣсяцъ, Вѣтеръ, я вѣрнымъ вамъ былъ,
 Дайте силу мнѣ мой мiръ возродить.
 Если жъ нѣтъ возрождающихъ силъ,
 Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, свѣтило могилъ,
 Дай послѣднюю власть:— Отомстить.

АМУЛЕТЪ.

Ты дала мнѣ амулетъ,
 Для веселiй и побѣдъ,
 Странно въ немъ сiють свѣты.
 Ты дала мнѣ амулетъ
 Въ той странѣ, гдѣ всѣ предметы—
 Волхованье, амулеты.

Грозенъ звукъ гортанныхъ словъ.
 Нѣтъ цвѣтовъ тамъ безъ шиповъ,
 Безъ уколовъ для яда.
 Хищный клекоть вѣщихъ словъ
 Манить слухъ, но въ немъ засада,
 Какъ засада въ зыби взгляда.

Въ этомъ краѣ Красоты,
 Гдѣ отчетливы черты
 Горъ, скрывающихъ обманы,
 Въ этомъ царствѣ Красоты
 Всюду вражескіе станы,
 А съ высотъ глядятъ вулканы.

Дротикъ мѣтко достаеъ,
 Чуть коснется конченъ счетъ,
 Тамъ отравленные стрѣлы.
 Лукъ поетъ и достаеъ,
 Чуть задѣтъ ты, опѣмѣлый
 Ты ужь мертвый, ты ужь бѣлый,

Въ этомъ краѣ вѣчныхъ чаръ,
 Чтобы мѣтокъ былъ ударъ,
 Ты меня околдовала,
 И, вложивъ змѣнность чаръ
 Въ кругъ узорный изъ опала,
 Ты меня мечтой связала.

Сильный этою мечтой,
 Очерненный чернотой,
 Недругъ духамъ отупѣлымъ,
 Амулетъ съ твоей мечтой
 Обращу я къ ихъ предѣламъ,
 Будеть, будетъ врагъ мой бѣлымъ.

ДРАКОНИТЬ.

Темный камень драконить
 Ужь не такъ хорошъ на видъ.
 Изумрудъ его пѣкнѣй,
 Въ брилліантѣ свѣтъ сильнѣй.

И вѣжливый его опалъ,
 И рубинъ предъ нимъ табу алъ.
 И однако драконетъ
 Тамъ хорошъ, что вѣрно мститъ.
 Чтобъ достать его, дождись,
 Какъ ущербный Мѣсяцъ внизъ,
 Надъ пещерой колдовской,
 Желтой выгнется дугой.
 Тамъ Драконъ въ пещерѣ спитъ,
 Въ мозгъ звѣря—драконитъ.
 Гибокъ Змѣй, но мозгъ его
 Неуклонно всего.
 Мозгъ Дракона—весь въ узлахъ,
 Желтый въ нихъ и бѣлый страхъ.
 Красный камень и металлъ
 Въ нихъ не разъ захохоталъ.
 Темный въ этомъ мозгѣ сонъ,
 Черной цѣпью скованъ онъ.
 Желтый Мѣсяцъ внизъ глядитъ.
 Вотъ онъ камень драконитъ.
 Тихе, тихе подходи,
 Въ силъ Дракона не щади.
 Замеръ въ грезѣ онъ своей.
 Мѣтко цѣлься, прямо бей.
 Поразишь его межъ глазъ,
 Мозгъ исторгни, и сейчасъ
 Предъ тобою заблеститъ
 Страшный камень драконитъ.
 Съ этимъ камнемъ—на врага.
 Рѣки бросать берега,
 И хоть будь твой врагъ великъ,
 Онъ въ водѣ потонетъ вмгъ.
 Этотъ камень-амулетъ
 Много дастъ тебѣ побѣдъ.
 Вѣщій камень драконитъ,
 Зеленѣя, мѣтко мститъ.

Этимъ камнемъ подъ Луной
 Понграй во тьмѣ ночной.
 Дальній врагъ твой ощутить,
 Мстить ли камень драконить.

ПРИТЧА О ВЕЛИКАНѢ.

Былъ въ мірѣ древній Великанъ,
 Безъ сердца исполицъ.
 Онъ былъ какъ между горъ туманъ,
 Онъ былъ чумой для многихъ стравъ,
 Угрюмъ, свирѣпъ, одинъ.

Онъ сердце вынулъ у себя,
 И спряталъ далеко.
 Не дрогнетъ громъ, скалу дробя,
 Хоть громокъ онъ; и лишь себя
 Люби,—убить легко.

Безъ сердца жадный Великанъ
 Давилъ людей кругомъ.
 Едва расправитъ тяжкій станъ,
 Какъ въ ротъ свой, точно въ страшный чанъ
 Кровавый броситъ комъ.

А сердце гдѣ же? Тонъ болотъ—
 Чудовищный пустырь.
 Который годъ тамъ дубъ растетъ,
 Съ дуломъ, и дубъ тотъ стережетъ
 Слѣпой и злой Упырь.

Внутри дупла, какъ черный гадъ,
 Уродливый комокъ.
 Онъ шевелится, говорятъ,
 Мохнать, онъ судорожно радъ
 Въ часъ казни, въ страшный срокъ.

Едва свирѣпый Веляканъ
 За горло хватъ кого,—
 Паукъ заклятый топкихъ странъ,
 Комокъ въ дуллѣ какъ будто пьянъ,
 Дубъ чувствуетъ его.

Въ дуллѣ шуршаніе и смѣхъ.
 Что жизнь людей? Пузырь.
 Въ дуллѣ самъ Дьяволъ, черный грѣхъ,
 И въ соучастіи утѣхъ,
 Скрипитъ слѣпой Упырь.

Но крылья вѣдаютъ полеть,
 Стремленіе знаетъ путь.
 И кто воздушенъ, тотъ пройдетъ
 Всѣ срывы ямъ, всю топъ болотъ,
 Чтобъ цѣля достигнуть.

Комокъ кровавый, злой обманъ,
 Ты взять моею рукой!
 Последний мигъ свирѣпымъ данъ,
 И былъ, лишь былъ онъ, Великанъ,
 Объять опъ смертной мглой!

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕРЪ.

Сестры, сестры, Лихорадки,
 Поземельный взбитый хоръ!
 Мы въ Аду играли въ прятки.
 Будеть! Кверху! Безъ оглядки!
 Порадѣть хоръ сестеръ.

Мы остудимъ, распростудимъ,
 Разогрѣмъ, разомнемъ.
 Мы проворны, ждать не будемъ.

Сестры! Сестры! Кверху! Къ людям!
Вотъ, мы съ ними. Ну, начнемъ.

Цѣпко, крѣпко, Лихорадки,
Снова къ играмъ, снова въ прятки.
Человѣкъ—забава намъ.
Сестры! Сестры! По мѣстамъ!
Всѣ тринадцать—съ краснобаемъ
Гдѣ онъ? Живъ онъ? Начинаемъ.

Ты, Трясея, дай ему
Потрястись, поцавь въ тюрьму.

Ты, Огnea, боль продли,
Прахъ земли огнемъ пали.

Ты, Ледея, такъ въ ознобъ
Загони, чтобъ ввалъ онъ гробъ.

Ты, Гнетea, дунь на грудь,
Камнемъ будь, не дайдохнуть.

Ты, Грудea, на груди
Лишку, вдвое погоди.

Ты, Глухea, плюнь въ него,
Чтобъ не слышалъ ничего.

Ты, Ломea, кости гни,
Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухnea, знай свой срокъ,
Чтобъ распухъ онъ, чтобъ отекъ.

Ты, Желtea, въ свой чередъ,
Пусть онъ, пусть онъ расцвѣтетъ.

Ты, Корчя, вслѣдъ иди,
Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядея, встань какъ бѣсъ,
Чтобы сонъ изъ глазъ исчезъ.

Ты, Сухя, онъ ужь плохъ,
Сдѣлай такъ, чтобъ весь изсохъ.

Ты, Невя, всѣмъ сестра,
Пропляши ему „Пора“.

Въ Человѣкѣ нѣтъ догадки.
Цѣпки, крѣпки Лихорадки.
Всѣхъ Сестеръ тринадцать насъ.
Сестры! Книзу! Конченъ часъ!

СИНІЯ МОЛНІИ

Какъ въ глубинностяхъ Моря, въ
глубинахъ Народной души — скрыва-
ются чудо-хоромы—тамъ таятся, среди
жемчуговъ, огнеглазые громы.—Мигъ
синихъ расцвѣтовъ, спѣши!

Голосъ Прилива.

ВЪ БЕЗМѢРНОМЪ ВСЕ.

Въ безмѣрномъ Все я только быстрый атомъ.
Но нѣтъ меня,—вселенной въ Мирѣ нѣтъ.
Вселенныхъ—тьма. И свѣжимъ ароматомъ
Цвѣтутъ! цвѣты бездонность пышныхъ лѣтъ.

Въ безмѣрномъ Все я малая былинка.
Но нѣтъ меня,—нѣтъ въ Мирѣ красоты.
Безумецъ! Знай, что въ должный мигъ снѣжинка
Лавину сброситъ съ высоты!

ЭЛЕКТРОНЪ.

Электронъ, камень Алатырь,
Горючъ-могучъ-янтарь!
Гори! На насъ возсталъ Упырь,
Отвратныхъ гадовъ царь!

Завѣтный камень-Свѣтозарь,
Рожденье волнъ морскихъ!
Какъ въ Морѣ—глубь, въ тебѣ—пожаръ.
Войди въ горючій стихъ!

О, слитокъ горечи морской,
И свѣтлыхъ слезъ Зари!
Электронъ, камень дорогой,
Горя, враждой гори!

Волна бѣжить, волну дробя,
 Волна сильнѣй, чѣмъ мечь!
 Электронъ, я заклалъ тебя.
 Ты, вспыхнувъ, сможешь сжечь!

КАМЕНЬ-АЛАТЫРЬ.

На морѣ-Океанѣ,
 На островѣ Буянѣ,
 Межъ кампей-богатырь
 Есть Камень-Алатырь.

Онъ бѣлъ-горючъ и ярокъ,
 Неостудимо жарокъ.
 Красивъ его изгибъ,
 Кипитъ тотъ Камень-кипъ.

Горитъ тотъ Камень-чудо.
 Что лучше изумруда.
 Онъ каждый мигъ—живой,
 Тотъ Камень солнцевой.

Подъ Камнемъ тѣмъ сокрыта
 Мечта, что не изжита.
 Спиши къ нему скорѣй,
 Коснись до тайнъ морей.

Все шире Море, шире.
 На Камнѣ-Алатырѣ
 Сидитъ, въ лучахъ горя,
 Громовница-Заря.

Сидитъ Дѣвица Красна,
 Смѣется безучастно.
 Смѣшинки Дѣвы той—
 Разсвѣты надъ водой.

А разъ придетъ охота,
 Совсѣмъ тотъ смѣхъ безъ счета,—
 Смѣяться такъ начнетъ,
 Что молнія сверянетъ.

Все звонче смѣхъ пѣвучій,
 Пожаромъ рдѣють тучи.
 Огнеста Красота,
 Свѣтла ея фата.

На морѣ-Океанѣ,
 На островѣ Буянѣ,
 Я Дѣву ту любилъ,
 У ней въ гостяхъ я былъ.

Я былъ на этомъ Камнѣ,
 И заговоръ дала мнѣ
 Она, въ Огнѣ живомъ,
 На Камнѣ солнцевомъ.

О, заговоръ тотъ властный!
 Онъ данъ мнѣ Дѣвой страстной.
 Все покорю я съ ней.
 Гори, Огонь, сильнѣй!

Лишь Камень кто изложеть,
 Тотъ заговоръ мой сможетъ
 Лишить его лучей.
 Гори, Огонь, скорѣй!

Но Камень кто жь изложеть,
 Кто пламень превозможетъ?
 Привѣтъ сияью дней.
 Гори, Огонь, сильнѣй!

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ПЕРУНУ.

Ужъ льды въ рѣкахъ прошли,
Звезя въ скопленьи тѣсномъ,
Ужъ молніи цвѣли
На Деревѣ небесномъ.

А дерево росло,
Во славу Человѣка,
Съ вѣтвей своихъ, свѣтло,
Роняя медъ и млеко.

Роняя чудо-сны,
Основу цѣсноплѣня,
Съ воздушной вышины
Лучистые каменя.

Исполни же теперь,
Перунъ, слова обѣта,
Раскрой въ темницахъ дверь,
И выпусти мнѣ дѣто.

Скорѣй, скорѣй, Перунъ,
Что должно, то исполни,
И дай мнѣ звоны струнъ,
И дай цвѣты изъ молній!

КЪ ПЕРУНУ.

Богъ вѣтровъ и бурныхъ грозъ,
Богъ Славянъ, Перунъ,
Ты мнѣ дай волну волосъ,
Зодотистыхъ струнъ.

Струнъ курчавыхъ, не прямыхъ,
Свѣтлыхъ завитковъ,
Золотистый далъ мнѣ стихъ,
Много далъ стиховъ.

Богъ пожаровъ между тучъ,
Грезы огневои,
Ты велѣлъ мнѣ: Будь пѣвучъ,
Въ жизни—будь живою.

Вплелъ ты молніи въ мой стихъ,
И сказала мнѣ:—Жги.
Богъ пожаровъ грозовыхъ,
Преодо мной—враги.

Богъ неожидательныхъ дождей,
Влаги и огня,
Въ яркомъ пламени страстей
Не покинь меня.

Дай мнѣ, дай мнѣ взрывовъ злыхъ
Для журчанья струнъ,
Местью сдѣлай ты мой стихъ,
За моихъ, Перунъ!

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗЪ.

Красной калиной покой свой убравъ,
Принеся въ него много лѣсныхъ, стрѣловидныхъ, какъ
будто отточенныхъ, травъ,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя лата,
И горитъ ли въ ней сѣребро, ярко ли злато.
Все какъ и нужно кругомъ.
Мысли такія же въ сердцѣ, сверкаютъ, пѣются огнемъ.
Сердце колдуетъ.
Что это? Что это тамъ за окномъ?

Дрогнула молнія въ Небѣ! Темнѣетъ оно. Негодуешь?
Или дозволю, что въ этомъ вотъ сердцѣ пожаръ?

Вѣтеръ прерывисто дуетъ.

Громъ.

Гулко гремятъ за ударомъ ударъ.

Длится размахъ грозowego раската.

Свѣтится золотомъ малая хата.

И, опоясанъ огнемъ,

Въ брызгахъ, въ изломахъ червленого злата,

Въ рокотахъ струнъ,

Сѣя алмазы продольнымъ дождемъ,

Въ радостяхъ бури, въ восторгѣ возврата,

Мчится—Перунъ.

ЗМѢЯ-МѢДЯНИЦА.

Змѣя-Мѣдяница, иначе Мѣдянка,

Годъ цѣлый бываетъ слѣпа.

И пусть передъ нею любая приманка,

Она неподвижно-тупа.

Но дивныя чары Ивановой ночи

Ей острое зрѣнье дають.

Сверкаютъ змѣйныя рдяныя очи,

Смотри, не встрѣчайся ей тутъ.

Хоть будь ты одѣтъ передъ нею броней,

Боротися, надѣяться, брось,—

Она, на врага устремившись стрѣлою,

Его пробиваетъ насквозь.

Змѣя-Мѣдяница, что разъ только лѣтомъ

Являетъ всю силу свою,

Знакома съ Перуновымъ огненнымъ цвѣтомъ,

Онъ рдяную любитъ змѣю.

Въ лѣсу, изъ гніенія гадовъ зловредныхъ,

Трава-Мѣдяница растетъ,

И ночью Ивановой, въ отблескахъ мѣдныхъ,
Цвѣтъ огненный недруга ждетъ.
И горе, коль ты, этой чары не зная,
По чащѣ пойдешь на авось,—
Трава-Мѣдьяница, взметнувшись, живая,
Врага пробиваетъ насквозь.

СКУПЕЦЪ.

РУССКОЕ СКАЗАНИЕ.

Богъ Землю сотворилъ, и создалъ существа,
Людей, звѣрей, и птицъ, и мысли, и слова,
Взошла зелена, желая нить, трава.

Богъ Землю сотворилъ, и вдунулъ жизнь въ живыхъ,
Но жаждали они всей силой душъ своихъ,
И Воду создалъ Богъ для жаждущихъ земныхъ.

Изрылъ Онъ ямины огромныя въ землѣ,
Онъ русла проложилъ, чтобъ течь ручьямъ во мглѣ,
Ключъ брызжащій исторгъ изъ мертвыхъ глыбъ въ скалѣ.

И птицамъ, чья судьба—близъ тучъ небесныхъ быть,
Кому такъ свойственно порывъ вѣтровъ любить
Велѣлъ Онъ помогать, чтобъ всё имѣли нить.

Низвергнувъ съ высоты безмѣрности дождей,
Онъ птицамъ повелѣлъ нести ихъ въ ширь полей,
Уравнивать моря, кропить, поить ручей.

Повиновались всё. Дождямъ пришелъ конецъ.
И лишь была одна, чье прозвище скупецъ,
Ничтожно-малая, какъ бы навѣкъ птенецъ.

Скупецъ чврявнуль такъ: Не нужно мнѣ оверъ.
 Не нужно мнѣ морей. Зачѣмъ мнѣ ихъ просторъ?
 На камнѣ я напьюсь. Помочь другимъ? Вотъ вздоръ!

Разгнѣвался Творецъ, уставъ скалу дробить.
 И въ жаждѣ навсегда велѣлъ скупцу Онъ быть.
 И вѣченъ пяскъ скупца. Пить, пить, кричетъ онъ, пить.

ЗАГОВОРЪ

отъ двѣнадцати дѣвицъ.

Подъ дубомъ подь мокрецимъ,
 На тѣхъ горахъ Аеонскихъ,
 Сидитъ Пафнутій старецъ,
 Тридесять старцевъ съ нимъ.
 Двѣнадцать идуть къ нимъ
 Дѣвицъ простоволосыхъ,
 Дѣвицъ простопопсыхъ,
 Не по-людски идуть.
 Рече Пафнутій старецъ:
 Кто къ намъ сѣи вдоша?
 Рекутъ ему дѣвицы:
 Всѣ—дщери мы Царя.
 Отецъ нашъ есть Царь Иродъ,
 Идемъ знобить мы кости,
 Идемъ мы тѣло мучить,
 Двѣнадцать дѣвицъ.
 Ко старцамъ обращаюсь,
 Рече Пафнутій старецъ:
 Сломите по три прута,
 И биты станемъ ихъ.
 По утреннихъ три зори,
 По три зари вечернихъ,
 Взявъ каждый по три прута,
 Нещадно станемъ бить.

Къ тринадцать старцамъ,
 Къ Пафнутію, ко старцу,
 Взмолились тутъ дѣвицы,
 Въ ничто ихъ бысть мольба.
 Начаша старцы бити,
 Ихъ бити, имъ глаголя:
 Ой вы еси, дѣвицы,
 Дѣнадцать дѣвицъ!
 Вы будьте, тресуницы,
 Вы будьте, водяницы,
 Рааслабленны и хилы,
 Живите на водѣ.
 На ней, на студеннцѣ,
 Вамъ мѣсто, а не въ мірѣ,
 Вы кости не знобите,
 Не мучьте вы тѣла.
 Въ тартарары идите,
 Дѣнадцать проклятыхъ,
 Вамъ въ морѣ-окіанѣ
 И въ преисподней быть.
 Въ трясилахъ, на болотахъ
 Вамъ мѣсто, окалпнымъ.
 Недуги, принедуги,
 Полунедуги, прочь!

ЛИХО.

УКРАИНСКАЯ СКАЗКА.

Жить было душно. Совсѣмъ погнбалъ я.
 Въ лѣсъ отошелъ я, и Лиха искалъ я.
 Думу свою словно тяжесть несу.
 Шель себѣ, шель, и увидѣлъ въ лѣсу
 Замокъ желѣзный. Кругомъ—черепя, частоколомъ.
 Что-то я въ замкѣ найду?
 Можетъ, такую бѣду,
 Что навсегда позабуду, какъ можно быть въ жизни веселымъ?

Все же иду
 Въ замокъ желѣзный.
 Вижу, лежитъ Великанъ.
 Видъ у него затрапезный.
 Тучень онъ, грязень, и наглъ, и какъ будто бы пьянъ.
 Кости людскія для мерзкаго—ложе.
 Лихо! Вокругъ него—Злыдни, Журьба.
 А по угламъ, вокругъ стола, по стѣнамъ, вмѣсто сидѣній, гроба.
 Лихо! Ну что же?
 Я Лиха искалъ.
 Страшное Лихо, слѣпое.
 Подчуесть гостя. „Поѣшь-ка“. Миѣ голову мертвую далъ.
 Взялъ я ее да подъ лавку. Лицо усмѣхнулось тупое.
 „Скушалъ?“ спросилъ Великанъ.
 „—Скушалъ“. Но Лихо ужъ знало, какая шноровка
 Тѣхъ, кто въ бѣсовскій заходятъ туманъ.
 „Гдѣ ты, головка-мутовка?“
 „—Здѣсь я, подъ лавкою, здѣсь“.
 Жаромъ и холодомъ я преисполнился весь.
 „Лучше на столъ ужъ, головка-мутовка.
 Скушай, голубчикъ, ты будешь, самъ будешь, вкуснѣй“.
 Въ эту минуту умножилось въ мѣрѣ число поблѣднѣвшихъ людей
 Поднялъ я мертвую голову, спряталъ на сердцѣ. Уловка
 Миѣ помогла. Повторился вопросъ и отвѣтъ.
 „Гдѣ ты, головка-мутовка?“
 „—Здѣсь я подъ сердцемъ“.—„Ну, съѣдена значить“, подумалъ
 дуракъ-людоедъ.
 „Значить, чередъ за тобой“, закричало миѣ Лихо.
 Бросились Злыдни слѣпые ко миѣ, зашаталась слѣпая Журьба.
 Въ нежитей черепомъ тутъ я ударилъ, и закишла борьба.
 Бились мы. Падалъ я. Билъ ихъ. Убилъ ихъ. И въ замкѣ же-
 лѣзномъ вдругъ сдѣлалось тихо.
 Вольно вздохнулъ я. Да здравствуетъ воля, понявшаго чудищъ, раба!

ТРИ БЫЛИНКИ.

РАГОВОРЪ.

Все мнѣ греются мысли о волѣ.
 Выхожу я изъ дома самъ-другъ,
 Выхожу я во чистое поле,
 Прихожу на веленый лугъ.
 На лугу есть могучія зелья,
 Въ нихъ есть сила, а въ силѣ веселье.
 Всѣ цвѣты, какъ и быть надлежитъ, по мѣстамъ.
 И, мечту затанувъ въ себѣ смѣлю,
 Три былинки срываю я тамъ,
 Красную, черную, бѣлую.
 Какъ былинку я красную буду метать
 Такъ далеко, что здѣсь никому не видать,
 За шумящее синее Море,
 Къ краю міра, на самый конецъ,
 Да на островъ Буянъ, что въ кипящемъ просторѣ,
 Да подъ мечъ-кладенецъ.
 Зашумитъ и зашѣнитъ Море.
 А былинку я черную бросить хочу
 Въ чашу лѣса узорнаго,
 И ее покачу, покачу
 Подъ ворона чернаго.
 Онъ гнѣздо себѣ свилъ на семи на дубахъ,
 А въ гнѣздѣ томъ уздечка покоится бранная,
 На дубовыхъ вѣтвяхъ,
 Заклятая, для сердца желанная,
 Съ богатырскаго взята коня.
 Упадетъ та уздечка, блестя и звеня.
 Вотъ былинка еще остается мнѣ, бѣлая,
 Я за поясъ узорчатый эту былинку заткну,
 Пусть колдуетъ она, онѣмѣлая,
 Тамъ завить, тамъ зашить, зачарованъ колчанъ,
 Въ заостренной стрѣлѣ заложилъ я весну.

Тремъ былинкамъ удѣлъ побѣдительный дань,
 И мечта—какъ пожаръ, если смѣлая.
 Мнѣ отъ красной былинки есть мечъ-кладенецъ,
 Мнѣ отъ черной былинки есть взнузданный конь,
 Мнѣ отъ бѣлой былинки—мечаній копецъ—
 Есть колчанъ, есть стрѣла, есть крылатый огонь.
 О, теперъ я доволенъ, я счастливъ, я радъ,
 Что на свѣтѣ есть врагъ-супостать!
 О, на этомъ веселомъ зеленомъ дугу
 Я навстрѣчу бросаюсь къ врагу!

НАГОВОГЪ НА НЕДРУГА.

ВОРОЖБА.

Я ложусь, благословясь,
 Встану я, перекрестясь,
 Изъ избы пойду дверями,
 Изъ сѣней я воротами
 Противъ недруга иду.
 Позабывши о неволяхъ,
 Тамъ, далече, въ чистомъ полѣ,
 Работренней росой
 Освѣжусь, утрусь зарею,
 И зову на бой бѣду!
 Бѣлымъ свѣтомъ обнадеженъ,
 Краснымъ свѣтомъ опригоженъ,
 Я подтычуся звѣздами,
 Солнце красное надъ нами,
 И въ сіяющей красѣ,
 Какъ у Господа у Бога,
 Изъ небеснаго чертога,
 Алый день встаетъ, ликуя,
 Ненавистника сражу я,
 Да возрадуются всѣ!

ЧЕРВЬ КРАСНАГО ОЗЕРА.

ИРЛАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Въ Донегалѣ, на островѣ, полною намековъ и вздоховъ,
 Намековъ и вздоховъ приморскихъ вѣтровъ,
 Гдѣ въ минувшіе дни находилось Чистилище,—
 А быть можетъ и тамъ до сихъ норъ,
 Колодець-Пещера Святого Патрика, —
 Предъ бурю въ воздухъ слышатся шопоты,
 Голоса, привидѣнія звуковъ проходятъ.
 Они говорятъ и поютъ.
 Поютъ, упрекаютъ, и плачутъ.
 Враждуютъ, и спорятъ, и сѣтуютъ.
 Проходятъ, слѣдятъ, ихъ нѣтъ.
 Кто сидеть тогда надъ серебрянымъ озеромъ,
 Подъ вѣтвями плакучими ивы сѣдой,
 Что надъ глинистымъ срывомъ,
 Тотъ узнаетъ надъ влагой стоячею многое,
 Что въ другой бы онъ разъ не узналъ.
 Тотъ узнаетъ, изъ воздуха, многое, многое.

Въ Донегалѣ другое есть озеро, въ чашѣ, Лафъ Дергъ,
 Что по-нашему—Красное Озеро.
 Но ни въ бурю, ни въ тишь къ его водамъ пелься подходить.
 Въ тѣ старинные дни, какъ не прибылъ еще
 Къ берегамъ изумрудной Ирландіи
 Покровитель Эрина, Патрикъ,
 Это озеро звалось озеромъ Фица Макъ-Колли.
 И недаромъ такъ звалось оно.
 Тутъ была, въ этомъ всемъ, своя повѣсть.

Жила, въ отдаленное время, въ Ирландіи
 Старуха-колдунья, чудовище,
 Что звалася Вѣдьмою съ Пальцемъ.
 И сынъ былъ при ней, Исполнѣ.

Та вѣщая Вѣдма любила растеня,
 И вѣдала свойства всѣхъ травъ,
 Въ серебряномъ длинномъ сосудѣ варила
 Отравы, на синемъ огнѣ.
 А сынъ-Исполнѣ той отравой напивалъ стрѣлы,
 И смерть, воскрыляясь, летѣла
 Съ каждой стрѣлой.
 На каждой рукѣ у Колдуньи, какъ будто вмѣясь,
 По одному только было
 Длинному гибкому пальцу.
 Да, загибались
 Два эти длинные пальца,
 Въ часъ, какъ свистѣла въ разрѣзанномъ воздухѣ,
 Сыномъ ея устремленная,
 Отравой вспоенная,
 Безошибочно цѣль достающая, птица-стрѣла.
 Вѣдмою съ Пальцемъ
 Было немало подобрано тѣхъ, до кого прикоснулась,
 Ядомъ налитая, коготь-стрѣла.

Въ Ирландіи правилъ тогда король благумудрый Ніуль.
 Онъ созвалъ Друидовъ,
 И спросилъ ихъ, какъ можно избавиться
 Отъ язвы такой.
 Отвѣтъ былъ, что только единый изъ рода Фіоновъ
 Можетъ Колдунью убить,
 И убить ее должно серебряной мѣткой стрѣлой.
 Самымъ былъ славнымъ и сильнымъ изъ смѣлыхъ Фіоновъ
 Доблестный, звавшійся Финомъ Макъ-Колли.
 Сынъ его былъ Оссіанъ,
 Дивный пѣвецъ и провидецъ,
 Видѣвшій много незримаго,
 Слышавшій, кромѣ людского,
 Многое то, что звучитъ не среди говорящихъ людей.
 Былъ также славный Фіонъ, звавшійся Гэломъ Макъ-Морни.
 Былъ также юный безпечный, что звался Кунізъ-Міуль.

Всѣ они вмѣстѣ, по слову Друидовъ,
 Отправились къ чащѣ, излюбленной Вѣдьмою съ Пальцемъ.
 Они увидали ее на холмѣ,
 Она собирала смертельныя травы,
 И съ нею былъ сынъ-Исполинъ.
 Макъ-Морни свой лукъ натянулъ,
 Но стрѣла, просвистѣвъ, лишь задѣла
 Длинный колдуній сосудъ,
 Гдѣ Вѣдьма готовила ядъ,
 Кувырнулся онъ къ синему пламени,
 Ушла вся отравы въ огонь.
 Исполинъ, увидавъ наступающихъ,
 На плечи схватилъ свою мать
 И помчался впередъ,
 Съ быстротой поразительной,
 Черезъ топи, овраги, лѣса.
 Но у Фина Макъ-Колли глаза были зорки и руки увѣрены,
 И серебряной мѣткой стрѣлой
 Пронзилъ онъ вѣдовское сердце.
 Гигантъ продолжалъ убѣгать.
 Онъ съ ношей своей уносился,
 Пока не достигъ, запыхавшись,
 До горъ Дюпегаль.
 Предъ скатомъ онъ шагъ задержалъ,
 Назадъ оглянулся,
 И, вадрогнувъ, увидѣлъ,
 Что былъ за плечами его лишь скелетъ:
 Сведенныя рублинныя ноги, дачерепъ безглазый, и звеня спинного хребта.
 Онъ бросилъ останки.
 И вновь побѣжалъ Исполинъ.
 Съ тѣхъ поръ ужъ о немъ некогда ничего не слышали.

Но нѣсколько лѣтъ миновало,
 Смѣнились зимы и весны,
 Не разъ уже лѣто, въ багряныхъ и желтыхъ
 Листахъ, превратилось въ осень,

И тѣ же, все тѣ же изъ славныхъ Фіоновъ
 Охотились въ мѣстности той,
 Сликались, кричали, смѣялись, шутили,
 Гнались за оленемъ, и мѣста достигли,
 Гдѣ кости лежали, колдуній скелеть.
 Умоляли, бывое припомнивъ, и молча
 Напѣвы о смерти слагалъ Оссіанъ,
 Вдругъ карликъ возникъ, рыжевласый, серьезный,
 И молвилъ: „Не троньте костей.
 Изъ кости берцовой, коль тронете кости,
 Червь глянеть, и выползаетъ онъ,
 И если напитокъ найдетъ онъ довольно,
 Весь міръ можетъ онъ погубить“.
 „Весь міръ“, прокричалъ этотъ карликъ серьезно,
 И вдругъ, какъ прищель, такъ исчезъ.
 Молчали Фіоны. И въ слухъ Оссіана
 Какіе-то шопоты стали вноситься,
 Тихонько, невѣрно, повторно, напѣвно,
 Какъ будто бы шелестъ осоки подъ вѣтромъ,
 Какъ будто надъ влагой паденье листовъ.
 Молчали Фіоны. Но юный безпечный,
 Что звался Кунізнъ-Міуль,
 Былъ малый веселый,
 Былъ малый смѣшливый,
 Куда какъ смѣшонъ былъ ему этотъ карликъ,
 Онъ кости берцовой коснулся копьемъ.
 Толкнулъ ее, выползъ тутъ червь волосатый,
 Онъ длинный былъ, тощій, облѣзло-мохнатый,
 Кунізнъ Міуль взялъ его на копье,
 И поднялъ на воздухъ, и бросилъ со смѣхомъ,
 Далеко отбросилъ, и червь покатылся,
 Упалъ, не на землю, онъ въ лужу упалъ.
 И только напился изъ лужи онъ грязной,
 Какъ выросъ, надулся, раскинулся тушей,
 И вдоль удлинился, и вверхъ укрѣпился,
 Змѣей волосатой, мохнатымъ Дракономъ,

И бросился онъ къ опрометчивымъ смѣлымъ,
И тутъ-то былъ истинный бой.

Кто знаетъ червей, тотъ и знаетъ драконовъ,
Кто знаетъ Змѣю, тотъ умѣетъ бороться,
Кто хочетъ бороться, тотъ знаетъ побѣду,
Побѣда къ безстрашнымъ идетъ.
Но какъ иногда ее дорого купишь,
И сколько въ бореніи крови прольется,
Объ этомъ теперь говорить я не буду,
Не стоитъ, не нужно сейчасъ.

Я только скажу вамъ, кто внемлетъ напѣву,
Я былъ въ Донегалѣ, на островѣ вздоховъ,
Я былъ тамъ подъ ивой сѣдой,
Я многое видѣлъ, я многое слышала,
И вотъ мой завѣтъ вамъ: Не троньте костей.
Коль нѣтъ въ томъ нужды, такъ костей вы не троньте,
А если такъ нужно, червя не понте,
Напиться не дайте ему.
Такъ мнѣ рассказали на островѣ древнемъ,
Предъ бурей, надъ влагой, надъ глинистымъ срывомъ,
Сказали мнѣ явственно тамъ
Шепоты въ воздухѣ. Въ воздухѣ.

ГРОМОВЫЙ КАМЕНЬ.

Громовый Камень былъ какъ мертвый гнетъ
И шли часы. И каждый день былъ годъ.
И шли года. Но въ царствѣ мертвыхъ льдовъ
Ходила Мысль дорогою вѣтровъ.

Ходила, и будила, говоря,
Что красная готовится заря,
Что мертвый камень, нынѣ тяжкій сводъ,
Громовыми цвѣтами зацвѣтетъ.

Въ моряхъ небесъ будя и высь и дно,
 Сплела она завѣтное Руно.
 Враждебности въ незримомъ созвала,
 Глазамъ вражды въ глаза взглянуть дала.

Дождемъ обильнымъ рухнули мечты.
 Громовый Камень сброшенъ съ высоты.
 И стиснутость, въ свободу превратясь,
 Въ громовый часъ расцвѣтами зажглась.

ПРАЗДНИКЪ СЖИГАНЬЯ.

Отъ колеса солнечной колесницы
 Небесный огонь долетѣлъ до людей,
 Факель зажегъ для умовъ, въ ореолѣ страстей.
 Отъ колеса солнечной колесницы
 Кто-то забросилъ къ намъ въ души зарницы,
 Далъ намъ властительность чаръ,
 Тайну змѣнныхъ свѣчей,
 Для созванія змѣй
 На великій пожаръ,
 На праздникъ сжиганья змѣнныхъ изношенныхъ кожъ,
 Чешуйчатыхъ звеній,
 Когда превращается старая ложь,
 И лохмотья затмений,
 Во мракъ ночномъ,
 Въ торжествующій блескъ самоцвѣтныхъ горѣній,
 Тишина обращается въ громъ,
 И плещутъ, къ Востоку отъ Запада, въ небѣ, кругомъ,
 Къ низинамъ отброшены вышней пучиной,
 Синія молвіи, синія молніи. чудо радѣнья громовыхъ лучей,
 Слившихся съ дрожью свѣтло-изумрудныхъ, хмѣльныхъ новизною,
 змѣнныхъ очей.

О, праздникъ змѣнный!
 О, звенья сплетенныхъ,
 Огнемъ возрожденныхъ,
 Ликующихъ змѣй!

НА СИНЕМЪ МОРЬ.

ЗАГОВОРЪ.

Есть свѣтлое Синее Море,
 На свѣтломъ на Синемъ на Морѣ,
 Есть Островъ, на Островѣ Камень,
 И Островъ и Камень тотъ—синь.
 На Камени, въ синей одеждѣ,
 Сидитъ Человѣкъ бѣлолицій,
 И лукъ у него безтетивный,
 Лукъ синій для синихъ пустынь.
 И синей стрѣлою безъ перьевъ
 Стрѣляетъ онъ въ притчи, въ призоры,
 Во всякую нечисть, въ притворства,
 Въ тѣлесный и въ думный изломъ.
 Въ Серебряномъ Морѣ, напротивъ,
 Серебряный Островъ и Камень,
 Серебряный кто-то на Камнѣ
 Ему отвѣчаетъ какъ громъ.
 Ему подиѣваетъ пособно,
 Стрѣла за стрѣлою улетаетъ,
 Надъ дивною Рѣкой поперечной
 Огонь разростается, синь.
 Такъ согните же, ковы, призоры,
 Разсѣйтесь вы, притчи и чары,
 Я стрѣлы вамъ здѣсь заостряю,
 Аминь, говорю я, аминь.